

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РУССКОГО ДВОРЯНИНА (1770–1820-е гг.)

А.И. Куприянов

Центр по изучению отечественной культуры
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье исследуются процессы возникновения и формирования традиций электорального поведения русского дворянства в последней четверти XVIII – первой трети XIX в. На материалах Московской и Тверской губерний автор приходит к выводу, что в выборах активно участвовали все слои потомственного дворянства. Однако абсентеизм избирателей также был массовым явлением. Регулярные выборы постепенно способствовали укреплению локальных связей дворян и консолидации дворянства как сословия помещиков.

Ключевые слова: Россия, выборы, дворянство, электоральное поведение, самоуправление.

Институт выборов в России имеет давнюю традицию (1). Одной из ключевых вех его формирования стала губернская реформа 1775 г., которая ввела конкурсный порядок замещения ряда должностей в органах местного управления и суда. Выборы стали регулярными и проводились раз в три года. Как известно, из трех сословий: дворян, граждан (купцов и мещан), государственных крестьян, избиравших своих представителей в органы местной власти, ключевые должности замещались дворянством.

Дворянские выборы в дооктябрьской литературе не были предметом специального исследования, но в той или иной степени они затрагивались в трудах ведущих историков того времени (2). Основное внимание исследователи уделяли анализу законодательства о службе по выборам дворянства и правительственной политике в этой сфере. В советское время объективное исследование этих проблем было невозможно по идеологическим причинам. Крах советской системы пробудил интерес к истории дворянства, в том числе и к вопросам дворянского самоуправления.

Главное отличие современного этапа исследования дворянства от дореволюционного периода состоит в изменении масштаба исследования.

Если до революции в фокусе исследовательского внимания были общеимперские процессы, то в 1990–2000-е гг. акцент сместился на изучение проблем на локальном (реже региональном) уровне.

Изменение масштаба исследования привело к вовлечению делопроизводственных источников из местных архивов, в которых отразились различные стороны общественной жизни дворянства.

Однако изучение историками различных аспектов темы «дворянство и выборы» в настоящее время находится на уровне диссертационных исследований и отдельных статей. Более заметны результаты обращения историков права к институту выборов в XVIII в. (3).

Сильные стороны историко-правовых работ состоят в классификации стадий избирательного процесса, в выявлении роли всех его субъектов, в выстраивании логики развития института выборов в исторической перспективе.

Слабыми сторонами исследований юристов являются недостаточное знание исторического контекста, исторических реалий и неготовность к работе в архивах. Это приводит порой к досадным курьезам, вроде именования в серьезных исследованиях Павла Потемкина его дядей – Григорием Потемкиным (4).

Пожалуй, наиболее важной и еще не исследованной проблемой истории дворянских выборов является электоральное поведение дворян. Исследование электорального поведения дворян в XVIII–XIX вв. в России сталкивается с серьезной методологической проблемой – теории электорального поведения разрабатывались на материалах, когда выборы стали ареной конкурентной борьбы между политическими партиями. Поэтому модели электорального поведения, созданные политологами, социологами и культурологами, не в состоянии объяснить поведение избирателей в допартийную эпоху выборов. В данной статье, опираясь на эмпирические материалы, ставится задача проследить становление традиций электорального поведения разных страт дворянства и выявить факторы, влияющие на поведение дворян в контексте процессов консолидации дворянского сословия и модернизации страны.

Под электоральным поведением я понимаю: участие (неучастие) субъекта в выборах в органы государственной власти и самоуправления, а также голосование за определенного кандидата.

Следует отметить, что единого общепризнанного понятия электорального поведения нет. Многих историков раздражает сама возможность использования таких терминов, как «электорат» и «электоральное поведение» применительно к России XVIII–XIX вв. При этом никто не отрицает, что сами выборы все же имели место. Логика критиков выстраивается на основе схемы современных выборов: электорат неоднороден, а дворянство было единым сословием, поэтому использование термина «электоральное поведение» некорректно.

Я не могу принять такую критику уже по той причине, что дворянство не было единым ни по происхождению, ни по социальному статусу, ни по имущественному положению.

Хронологические границы исследования: последняя четверть XVIII – первая треть XIX в. За начальную точку отсчета взята губернская реформа 1775 г., существенно расширившая номенклатуру должностей, замещаемых по выборам дворянства. Верхней границей исследования является начало 1830-х гг., когда, пойдя навстречу требованиям богатейших дворянских фамилий, Николай I реформировал дворянские выборы, увеличив имущественный ценз до 100 душ, что привело к сокращению числа избирателей. В статье основное внимание уделяется дворянству центра России – Московской и Тверской губерний.

Начало дворянских выборов как стабильного института в историографии XIX – начала XX в. принято отсчитывать с указа 14 декабря 1766 г. о выборах делегатов в Уложенную комиссию (5). Для организации этих выборов надлежало избрать уездных предводителей дворянства, которые и должны были руководить ими. Американский историк Р.Е. Джонс справедливо отметил, что организация дворянского «класса» в то время находилась в таком «рудиментарном» состоянии, что она выглядит таковой лишь в свете последующего развития дворянской корпорации (6). Очевидно, только после Жалованной грамоты дворянству 1785 г. можно говорить о завершении формирования институтов дворянской корпорации. Соответственно, и избирательные права членов дворянского сословия получили законченное оформление в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.

Первые дворянские выборы, отвечающие задачам губернской реформы 1775 г., были проведены в январе 1776 г. в Твери. Выборы прошли под непосредственным руководством и при активнейшем участии исполняющего должность наместника Якова Сиверса. Для участия в выборах зарегистрировалось 568 выборщиков (7), из которых 5% не служили или не достигли на службе обер-офицерского чина. Число съехавшихся в Тверь дворян было несколько меньше числа зарегистрированных избирателей, так как некоторые из них реализовали свое право участия в выборах по каждому уезду, где находились их имения. Сиверс, однако, распорядился допустить к выборам не всех собравшихся дворян, а лишь тех, кто соответствовал установленным им цензам. Поэтому он разъяснил тверскому дворянству правовые основания принятого им порядка выборов.

Сиверс, устанавливая цензы, исходил из двух дворянских привилегий: права «благородных» выбирать себе судью и привилегии владеть крепостными. Сиверс, вводя в Твери имущественный ценз, творчески использовал действовавшее законодательство: «уважая сверх того учреждение при основании белорусских губерний... в котором точно предписано, выбор судей производить шляхетству, таким точно образом, каким во всей империи в предводители и депутаты выбираются, с тем прибавлением (курсив наш. – А.К.), чтобы

каждый выбирающий помещик не меньше десяти, а выбираемый не меньше двадцати мужеска полу душ имел» (8).

Я.Е. Сиверс применил на тверских и новгородских выборах одновременно два принципа построения социальной иерархии дворянства: чиновный и имущественный. Чиновный принцип торжествовал во время официального открытия дворянского собрания и при церемонии торжественного шествия в церковь для принятия присяги. Впереди шли служащие по выборам, за ними губернский и уездные предводители, «а за теми все члены общества, по чинам...» (9). Размещение в зале собрания было организовано также по «чинам»: уездным предводителям были «полуциркулем» расставлены стулья перед главным местом; за ними расположены стулья для «девятой персон генералитетского чина». Для остальных дворян (по старшинству «чинов») были приготовлены лавки. Дворяне, не имеющие обер-офицерских чинов, «стояли за оными». Имущественная иерархия действовала во время самих выборов: в первых рядах сидели помещики, владельцы двадцати душ крепостных крестьян, обладавшие активным и пассивным избирательным правом. За ними располагались те, у кого было от десяти до девятнадцати крестьян, получившие лишь активное избирательное право. Дворян, имевших меньше десяти «душ» или не владевших крепостными, поместили «позади всех в особый ряд, и сидели б с прочими, не имев участия в балатировании, а довольствовались честью быть при выборе наличными» (10).

Однако в «обряде» было и противоречащее этому указанию положение: дворяне садились по чинам, «как в списке внесены» (11). Таким образом, Сиверс просмотрел возможность конфликта чиновного и имущественного принципов социальной иерархии, полагая, что состоящие в генеральских и штаб-офицерских чинах дворяне должны быть достаточно состоятельными помещиками.

Апробированные Сиверсом цензы действовали на следующих тверских выборах, состоявшихся в 1779 г., а также в Новгородской и Псковской губерниях, управляемых Сиверсом (12). По видимому, большинство дворян к эксперименту Сиверса с введением имущественных цензов отнеслось негативно. Об этом свидетельствует донесение калужского и тульского наместника М.Н. Кречетникова Екатерине II от 12 декабря 1776 г. Передавая разговоры, услышанные им в Москве о введенных имущественных цензах, он писал, что дворяне не считают это волей императрицы, но «относят сию *прискорбность, причиняемую дворянству*, от начальников» (курсив наш. – А.К.).

Слухи об ограничении избирательных прав «малопоместных» дворян носились накануне первых выборов и в Калуге. Поэтому наместник был вынужден успокоить дворян через предводителей, заявив, «что все дворянство допустится к выборам, не исчисляя имущество душ...»

Характерно, что Кречетников принял это решение, разделяя опасения Сиверса, что бедные дворяне будут менее надежными чиновниками. Он обещал императрице следить, «чтоб без способности людей малопоместных не впустить в судьбу», действуя «не приметным для них образом, и не давая

письменного о том предводителям повеления» (13). Кречетников планировал, пользуясь своим правом «подтверждения» избранных судей и заседателей, отклонять сомнительных кандидатов. Однако он писал императрице, что доволен избранными кандидатами и «подтвердил» всех избранных.

Возрастной же ценз на первых калужских выборах был использован тот же, что и на тверских. Предводители перед баллотировкой объясняли дворянам, что избирать следует «людей, доказанных службою и способных, *держась правила о выборе депутатов*, чтоб не избрать младше 25-ти лет, а в заседатели уездного и нижнего суда не моложе 21 года» (курсив наш. – А.К.) (14).

В Калугу для участия в январских выборах 1777 г. съехалось 425 дворян, из них 17 (4%) имели унтер-офицерский чин или вовсе не служили. Лица не служившие или не получившие обер-офицерский чин также были допущены к баллотированию (15). Однако не все дождалось окончания выборов, и в баллотировании губернского предводителя участвовали всего 348 дворян (16) или 81,9% от всех зарегистрировавшихся. Главной причиной уменьшения числа участников выборов стала продолжительность процесса голосования, что вело к существенным денежным тратам уездных дворян. Так, баллотирование губернского предводителя производилось на пятый день после начала первого голосования, когда 18 января избрали уездных предводителей. Последняя баллотировка (судей верхнего земского и совестного судов) прошла 23 января. Само же открытие наместничества, на которое приглашалось дворянство, состоялось еще 15 января (17).

На калужских выборах 1777 г. Кречетников апробировал оригинальный подход к распределению должностей между избранными в одно учреждение. Он предложил объявить избранным заседателям земских судов, «чтоб взяли места по старшинствам своих чинов, сохраняя чрез то вольное избрание к должностям, купно с преимуществами от заслуг полученными» (18). В другом докладе императрице М.Н. Кречетников сообщал об использованном на выборах «способе баллотирования», по которому «судьи действительно места свои занимают в новых присутствиях по старшинству своих чинов». В соответствии с этим принципом в «списке избранным» дворяне, выбранные в одно учреждение, расставлены не по набранным баллам, а по чинам: председатель имеет чин выше или равный с одним из заседателей, но никогда не ниже (19).

Как отнеслось дворянство к корректировке итогов голосования чиновным рангом избранных? Кречетников утверждал, что «употребленным таковым здесь средством все дворянство чрезвычайно довольны, и ни единого из определяемых нет, которой бы противу воли или с отягощением принимал возлагаемую должность» (20). Однако такой подход разрушал идею равенства участников дворянских собраний, поэтому очевидно разделялся не всем дворянством.

Таким образом, на первых дворянских выборах после введения уложения о губерниях в Твери и Калуге были апробированы разные модели включения/исключения дворян в дела сословной корпорации. Екатерина II утвердила

модель, опирающуюся на тверской опыт. Она, сохранив возрастной ценз (25 лет), имущественный ценз выразила в денежном эквиваленте – 100 руб., установив единый критерий для дворян-помещиков и дворян-домовладельцев. Дворянин, «который вовсе не служил или, быв в службе, до обер-офицерского чина не дошел», лишался избирательных прав (21). Императрица также установила, что результаты выборов определяются лишь числом набранных баллов.

Екатерина II ввела еще один – нравственный ценз. Ст. 65 Жалованной грамоты дворянству давало праву собранию дворянства исключать из своих рядов дворянина, «который опорочен судом или которого явный и бесчестный порок всем известен, хотя бы и судим еще не был, пока оправдается». За генерал-губернаторами и губернаторами было закреплено право не «подтверждать» избранного в должность при наличии у кандидата «явного порока» (22). Разъяснения правительства, что такое «явный порок», не последовало, поэтому правоприменение этого морального требования к кандидату фактически свелось к лишению избирательных прав судимых или находившихся под судом дворян. В дальнейшем при Александре I решение вопроса о предоставлении права голоса дворянам, осужденным судом за «маловажные преступления», было отдано на усмотрение дворянских собраний.

В какой мере соблюдались на практике законодательные требования, которые в правление Павла I были ужесточены, к избирателям? Организаторы выборов должны были проверить, внесен ли дворянин в родословную книгу, служил ли в обер-офицерских чинах, имеет ли аттестат об увольнении от службы, владеет ли цензовой недвижимостью, достиг ли установленного законом возраста. Выяснение этих данных превращало составление списков участников собраний в непростой и продолжительный процесс. Поэтому учет избирателей в рассматриваемое время оставлял желать лучшего. Регистрация избирателей зависела от старательности уездных предводителей дворянства, земской полиции и гражданской активности дворян.

Поведение дворян на стадии регистрации участников избирательных собраний, по крайней мере, на первых трех – четырех выборах характеризуется массовым несоблюдением предписаний закона и распоряжений губернских властей, закрывавших на это глаза.

Поведение дворян на стадии регистрации можно описать как патриархальную неспешность, характерную для провинциалов и столичных дворян. В частности, московский уездный предводитель дворянства накануне выборов 1785 г. имел информацию о 32 дворянах-москвичах, зарегистрировавшихся для участия в выборах, и пяти, уведомивших об отсутствии. Однако в выборах участвовали 148 дворян, живших в Москве (23). Учет дворян-избирателей в Московской губернии и по уездам организован был плохо не только в 1780-х гг., но и на протяжении всего рассматриваемого времени. Управляющий МВД Ф.И. Энгель летом 1829 г. констатировал, «что число дворян Московской губернии, имеющих и не имеющих права участвовать в выборах, ныне в точности не известно» (24).

Учет избирателей в соседней Тверской губернии был организован грамотнее, но и там оставлял желать лучшего. В 1789 г. в губернии ситуация с составлением родословной книги выглядела следующим образом: «списки, доставленные от господ предводителей, не полны и не верны, так что в некоторых не только семейства, но и целые фамилии дворянские не показаны...» (25).

Тверские выборы 1821 г. были даже аннулированы из-за массового допущения к выборам лиц, не доказавших свое право в них участвовать (26). Тогда же дворянские выборы в Казанской губернии из-за участия в них лиц, находившихся под судом, не имевших аттестатов с последнего места службы, не внесенных в родословные дворянские книги, «велено», – рапортовал Сенату сенатор В.Ю. Соймонов, – «уничтожить и поручено мне вновь произвести на остальное время трехлетия, то есть на один только 1823 год...» (27).

Каковы же были причины попустительского отношения участников дворянских собраний по вопросу предоставления избирательных прав лицам, не внесенным в родословные книги? Для современников этот вопрос не был тайной. Губернский предводитель тверского дворянства А.М. Полторацкий объяснял причину участия в выборах дворян, не внесенных в родословные книги, «общественной пользой», «ибо довольное число дворян, уклоняясь от общественной по выборам службы, не представляют с намерением доказательств о своем благородстве...» (28). С ним был согласен и министр внутренних дел В.П. Кочубей: «Со всею вероятностию полагать должно, что отступление сие от закона существует и в большой части губерний...» (29).

В идеале дворянские собрания мыслились как собрание равных (с учетом заслуг перед государем и государством) сочленов общества, далеких от каких-либо корыстных интересов и родственных связей. На деле, разумеется, все обстояло далеко не так. В жалобах на нарушения, допущенные на разных стадиях выборов, нередко встречаются упоминания о дворянских «партиях», поддерживавших кандидата или группу кандидатов.

Каким образом, и на какой основе происходило формирование этих «партий»? Князь Любецкой, бывший предводителем в одном из уездов Московской губернии в конце правления Екатерины II, например, перед выборами приглашал к себе дворян уезда и объявлял им, «кого они должны выбрать судьей, кого исправником и т.д.» (30). А.И. Кошелев в своих воспоминаниях рассказывает о причинах, позволявших одному из уездных предводителей дворянства Рязанской губернии (1820–1830-е гг.) побеждать на выборах: «Дворяне почти все были его должниками... На выборы он их возил на свой счет и вследствие того всегда был выбираем значительным большинством» (31).

Описанная модель электорального поведения – это клиентелизм. Между кандидатом и избирателями существуют отношения «патрон–клиент».

Одновременно действовал и другой принцип создания дворянских «партий». Группа дворян объединялась и принимала решение о поддержке своих кандидатов на конкретные должности, добываясь скоординированного

баллотирования (32). Поведение на выборах члена такой «партии» можно считать «партийным», укладывающимся в конвенциональную (от «конвенция» – соглашение) модель электорального поведения.

Князь И.М. Долгоруков, рассказывая о дворянских выборах в Пермской губернии (1784 г.), сообщает, что голосовали по указанию губернатора. Воля губернатора сообщалась через протоколистов, разносивших урны и шары для баллотирования (33). Такое поведение можно определить как сервиллизм (прислужничество) – сервильная модель электорального поведения.

Процедура непосредственного голосования основывалась на «Обряде депутатского выбора» 1766 г. Законодатель позаботился о том, чтобы создать равные условия всем участникам выборов. Главной из таких мер была рекомендация баллотировать каждого дворянина, обладавшего этим правом, на все должности.

Соблюдение этой нормы делало выборы весьма продолжительными. И все же дворянство не спешило воспользоваться положением Жалованной грамоты, допускавшей не сплошное баллотирование, а выдвижение кандидатов на должности. Выборочное баллотирование разрушало равные права участников дворянских собраний. Именно из этого исходил титулярный советник Д. Ефимович, когда на тверских выборах 1822 г. требовал баллотирования всех дворян во все должности. Однако в Твери уже сложилась практика баллотирования на должности лишь намеченных кандидатов. Такое запрограммированное голосование вызвало у Ефимовича – чужака среди тверского дворянства – ассоциацию с театром марионеток, и он публично назвал выборы «кукольной комедией». Дворянское собрание оскорбилось этим сравнением и исключило Ефимовича из своих рядов (34).

У части дворян принцип выборности чиновников аппарата местного управления и глав уездной и губернских корпораций дворянства встретил одобрение и готовность решительно его отстаивать, не взирая на лица. Так, вопрос о том, кто должен председательствовать во время выборов в случае отсутствия предводителя, стал предметом конфликта на выборах в январе 1803 г. в Твери. Губернский предводитель М.В. Неклюдов поручил председательствовать на собрании уездному судье, но кандидат уездного предводителя (лицо, имевшее право заместить в случае необходимости предводителя) Н.И. Кошкин (Кашкин) полагал, что тем самым нарушается его право как кандидата, избранного к должности уездного предводителя.

Кошкин последовательно и принципиально отстаивал свое право председательствовать на выборах. Он заявил о нарушении своих прав губернскому предводителю, затем пытался заручиться поддержкой гражданского губернатора и, наконец, обратился с развернутым посланием к новому губернскому предводителю. Кошкин обосновал позицию, занятую им в конфликте, и перед неформальным собранием дворян уезда.

Столкновение вокруг вопроса, кому занять председательское кресло, было конфликтом разных принципов: служебно-иерархического, отстаивае-

мого М.В. Неклюдовым, и выборного, защищаемого Кошкиным. Неклюдов полагал, что председательствовать должен уездный судья как второе лицо в уездном управлении. Кошкин, напротив, исходил из принципа, что «право всех кандидатов есть такое: чтобы заступать убылые места, того звания, до которой они избранием уполномочиваются», и никакой кандидат «не поступает на вышнее место, своего назначения...». Для него главенство выборного принципа над принципом чиновной иерархии было обусловлено представлением о равенстве дворян-помещиков как членов сословной корпорации: «в собраниях дворянских при выборах нет ни судей, ни исправников, оное составляется просто из помещиков, нет и преимущества чинов...» (35).

В литературе утвердилось мнение, что все сколько-нибудь состоятельные помещики стали уклоняться от выборов, престижной оставалась лишь должность предводителя, которой домогались богатые дворяне. Для ревизии этого утверждения обратимся к спискам кандидатов, баллотировавшихся на должности, и спискам избранных лиц по Тверской губернии в декабре 1817 г.

Важно понять, в какой мере успеху на выборах способствовали богатство и чин кандидата. По Вышневолоцкой округе связь была прямая – в предводители был единогласно избран самый богатый помещик, генерал-майор И.Т. Сназин, владелец 1216 душ. В Старицком же уезде, напротив, наиболее богатый помещик лейтенант флота В.И. Казнаков (1550 душ) проиграл место предводителя другому лейтенанту флота С.Ф. Гордееву, у которого в списке вообще не обозначено число душ (36).

По Кашинскому уезду никакой корреляции между благосостоянием дворян и баллотировкой их на должности не было. Не было зависимости также между чином и успехом на выборах. В частности, в предводители баллотировались 4 кандидата: «среднедушные» помещики: титулярный советник А.А. Травин, 218 душ, лейтенант флота А.А. Баклановский, 163 д.м.п. (избран), и даже малопоместный (10 душ) подполковник Н.П. Шубинский. Данных о собственности у четвертого кандидата – надворного советника П.И. Цвиленева – не было. В то же время среди 9 кандидатов в уездные судьи (вторая должность в уездной номенклатуре) были значительно более состоятельные помещики: коллежские асессоры И.Л. Пономарев (1875 душ) и П.Н. Федоров (322 души), актуариус Н.П. Головин (525 душ). Головина избрали лишь в первые заседатели уездного суда, прокатив на выборах в уездные судьи и в земские исправники (37).

Такая же ситуация была в Осташковском уезде, где в предводители баллотировались 4 чел., среди которых самый состоятельный кандидат – уездный судья поручик Ф.А. Строев (246 душ) – был забаллотирован и в предводители, и в депутаты. Предводителем же почти единогласно – 20 «за», 1 «против» – избран служивший уездным предводителем титулярный советник В.П. Черкасов, владелец 36 душ. Наиболее богатый помещик уезда, участвовавший в выборах, губернский секретарь Я.А. Ельчанинов (300 душ) был баллотирован лишь в уездные судьи и судебные заседатели (38).

В Новоторжской округе предпочтения избирателей также достаточно отчетливо просматриваются. Здесь из восьми кандидатов в предводители был избран прежний – надворный советник П.С. Доможиров, «среднедушный» помещик (160 душ), опередивший более чиновных претендентов: трех полковников и одного действительного статского советника (39).

Таким образом, в разных уездах Тверской губернии действовали две модели предпочтений избирателей. Первая «архаичная» модель – более ранняя по времени, когда приоритет при выдвижении на должность и при баллотировании имели богатые и чиновные помещики. Вторая, назовем ее условно «деловая», более современная, при которой избиратели обращали внимание в первую очередь на личные качества кандидата (опыт выборной службы, образование, деловитость, ответственность, готовность отстаивать интересы корпорации и ее членов).

Вторая модель постепенно вытесняла первую. Влияние чина на благоприятный исход голосования по материалам выборов в Тверской губернии медленно, но неуклонно снижалось. Так, на первых выборах в 1776 г. средний чин уездных предводителей составил 6,6 класса по Табели о рангах. В 1798 г. 7,2, в 1814 г. – 7,75, в 1827 г. – 8 (40). Похожая картина наблюдалась и на выборах в Московской губернии. Однако в губернии выделялся Московский уезд, в который входила и столица, где проживало немало родовитых и чиновных дворян. Поэтому средний чин предводителей Московского уезда за 1782–1828 гг. – 3,8 – лишь незначительно отличался от аналогичной характеристики московских губернских предводителей 3,1, но был заметно выше, чем чин тверских губернских предводителей за 1776–1829 гг. – 5,5 класс (41).

Для понимания особенностей электорального поведения дворян эпохи Екатерины II следует отметить, что дворянство не сразу приняло обязательность важнейшего элемента выборов – баллотирования как способа выяснения волеизъявления сообщества. Так, на первых выборах предводителя дворянства Московской губернии в 1782 г. перед началом баллотирования «все уездные предводители представили именем дворянства своих уездов, что в губернские предводители избирают они московского уезда предводителя господина генерал-аншефа и кавалера графа Петра Борисовича Шереметева». Присутствовавший в это время в зале московский главнокомандующий З.Г. Чернышев тут же поздравил П.Б. Шереметева «с доверенностью общества и отличным знаком достоинства, которым дворянство всей губернии его почтило...» (42).

На последующих выборах в Московской губернии голосование не обязательно проводилось посредством баллотирования шарами, как предписывал закон. В предводители всегда, за редчайшим исключением (1807 г. бронницкий предводитель дворянства Т.Г. Расловлев), избирали баллотированием (43), а депутатов дворянства нередко без такового. Голосование на одних и тех же выборах могло быть вариативным: в одних уездах депутата избирали баллотированием, в других «с общего согласия» (44). Подобные отклонения

санкционировались губернской властью благодаря тому, что выборы рассматривались как привилегия, дарованная благородному сословию. Избрание же губернского предводителя дворянства без баллотирования трактовалось как выражение всеобщего доверия уважаемому и заслуженному человеку. Например, в январе 1813 г. так «подтвержден был единогласно» на новый срок тверской губернский предводитель действительный статский советник М.В. Неклюдов, позже уволенный собранием по его просьбе. И лишь затем прошли выборы нового предводителя в соответствии с законом (45).

Законодательство допускало возможность досрочного голосования, осуществляемого путем передачи права голоса конкретному лицу или всему обществу. Вариантом досрочного голосования был сбор заинтересованным кандидатом одобрительных записок. Так, в 1803 г. подольский земский исправник Ильинский запасся одобрительными записками от 8 отсутствующих дворян. Однако съехавшиеся на выбор дворяне отклонили эти голоса, что пытался оппорить Ильинский. Предводитель дворянства Московской губернии Дашков был солидарен с решением собрания: «подольское дворянство по образу прочих уездов положило не принимать таковое доверие, ибо легко могло бы произойти от оных притеснительной в балах присутствующим перевес» (46).

Аналогичным путем в январе 1806 г. пытался добиться переизбрания земский исправник Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Н.С. Чичерин. Само голосование его сторонникам удалось сделать открытым, хотя часть дворян настаивала, «дабы шарики полагаемы были в покрытый сукном ящик», но большинство их не поддержало (47).

Называя вещи своими именами, можно констатировать, что «партия» Чичерина добилась незаконной формы голосования, удобной для давления на независимых избирателей. Позицию этой «партии» поддержал и бывший предводитель коллежский советник Н.Я. Пыжов, который отстаивал право дворян проводить выборы не в соответствии с установленными в законе процедурами («обряд» 1766 г.), а по собственному усмотрению: «что же касается до избрания белыми шарами, то сие оставалось в волю благородного общества».

Пыжов ссылаясь на бытовавшую практику избрания «белыми шарами»: «прошлого 1794 г. и я был избран в уездные судьи по заочности белыми же шарами, да и ныне избран предводитель дворянства господин надворный советник Михайла Васильевич Храповицкой таковым же образом» (48). Узнав об этом, исполняющий дела губернского предводителя дворянства А.С. Шишков отменил выборы и организовал новую баллотировку.

Наиболее обобщающим показателем отношения дворянства к выборам служит участие в них избирателей. Главной тенденцией электорального поведения дворянства Тверской губернии было сокращение числа участников выборов. Так, в 1776 г. зарегистрировалось 568 выборщиков, спустя три года их число сократилось до 434 (76,4% от первых выборов), в 1781 г. до 334 (58,9%). На последних выборах многие дворяне, не дожидаясь окончания выборов, разъехались по домам. Поэтому на выборах губернского предводи-

теля участвовали 314 чел., в верхний земский суд – 281, а в совестный суд лишь 254 (49).

Вероятно, так в эти годы складывалось электоральное поведение дворян и в других губерниях. Например, в Туле в декабре 1777 г. в дворянских выборах участвовало 520 чел., а три года спустя – 372 чел. или 71,5% к первым выборам (50). В Калуге на первых выборах присутствовало 425 чел., а через три года – 348 (81,9%) (51). Некоторый рост электоральной активности дворян Тверской губернии пришелся на первую половину царствования Александра I: 58,9% в 1803 и 1808 гг. к уровню выборов 1776 г. После войны 1812 г. произошло новое снижение интереса дворян к выборам: декабрь 1814 г. – 214 чел. (37,6%), декабрь 1817 г. – 205 (36%), декабрь 1826 г. – 174 (30,6%) (52).

В Московской губернии электоральная активность дворян имела более сложный характер: ее пик пришелся не на первые – 1782 г., а на вторые – 1785 г. выборы. Вероятно для столичных дворян открытие губернии, к которому были приурочены выборы, – событие не столь знаковое, как для провинциалов. На дворян Московской губернии обнародование Жалованной грамоты дворянству произвело более сильное впечатление, чем учреждение губернии. Электоральная активность московского дворянства по сравнению с тверским не имела столь выраженного тренда к снижению числа участников выборов, а была подвержена заметным колебаниям. Если октябрьские выборы 1782 г. принять за 100%, то на октябрьских выборах 1785 г. число голосовавших достигло 131,7%, на декабрьских 1785 г. – 50,5%, в 1788 г. – 70%, в 1791 г. – 47,5%, а в 1794 г. (последних выборах при Екатерине II) – 73,2% (53).

Среди факторов, влиявших на электоральное поведение дворянства, важнейшую роль играла имперская политика. Так, абсентеизм дворянства усилился благодаря негативному отношению Павла I к институтам самоуправления и отмене губернского съезда. Кроме того, Павел I, лишив права голоса дворян, уволенных из военной службы (54), сократил электоральную базу дворянских выборов.

Демонстративный возврат Александра I к учреждениям Екатерины II не смог сразу переломить негативное отношение московского дворянства к участию в выборах. В частности, в апреле 1802 г. в выборах губернского предводителя дворянства участвовало всего 66 чел. (16,5% к выборам 1782 г.), в декабре 1802 г. в выборах судей и заседателей губернских судебных инстанций участвовало 106 чел. (26,5%) (55). Однако к декабрю 1803 г. в отношении дворянства к участию в выборах произошел перелом. Число выборщиков достигло уже 312 чел. (78%), а в феврале 1807 г. в выборах впервые с 1785 г. участвовало более 400 чел. – 103,2% к уровню 1782 г. (56).

После Отечественной войны 1812 г. электоральная активность московского дворянства вновь затухает. Низкую явку дворян на выборы в мае 1814 г. – 53,7% (57) – можно объяснить тем, что многие дворяне еще были в армии, а другие, стремясь сократить расходы, отказались от поездки в Москву. Однако ситуация не изменилась и на последующих выборах.

Наконец, в 1829 г. губернский предводитель дворянства генерал от инфантерии Оболянинов был вынужден инициировать рассмотрение в высших инстанциях вопроса о недостатке дворян для выборов в Московской губернии (58).

Исследование электоральных практик дворянства Московской и Тверской губерний последней четверти XVIII – первой трети XIX в. свидетельствует о положительном отношении провинциального и столичного дворянства к институту корпоративных выборов. В выборах активно участвовали все страты дворянства, включая аристократию. К таким же выводам на материалах Рязанских выборов последней трети XVIII в. приходит историк В.В. Крючков (59). Т.В. Платонова, исследовавшая дворянские выборы в Саратовской губернии, напротив, утверждает, что крупнейшие землевладельцы края к выборам были равнодушны (60).

Думается, здесь более уместна иная интерпретация приведенных ею данных. Представители знати владели именьями не только в Саратовской, но и в других губерниях. Поэтому они не только не хотели, но и не могли участвовать во всех губернских выборах.

Электоральное поведение дворянина постепенно обретало рациональные черты, становясь более искушенным и менее зависимым от мнения губернского начальства, губернского предводителя или богатого соседа. Рациональность поведения дворян прослеживается, с одной стороны, в более внимательном отношении к соблюдению предписанных в законе процедур, например, обязательности баллотирования кандидатов, а с другой – в опережении имперского законодательства в деле борьбы за справедливые выборы. В частности, дворяне Московской и Тверской губерний, прежде чем эта норма появилась в законе, отказались учитывать «доверенности» и проводили баллотирование лишь участниками собраний. Наконец, именно дворяне Волынской губернии, а не губернский прокурор или губернатор стали инициаторами отмены голосования по доверенностям.

Вместе с тем несамостоятельность выбранных лиц (заседателей и судей губернных и уездных учреждений), их подконтрольность бюрократии, прямое служебное подчинение губернатору привели к известному разочарованию в отношении участия выборных лиц в органах суда и местного управления, что не могло не повлиять на рост абсентеизма и сокращение числа участников выборов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: Институт выборов в истории России. – Калуга, 2002.
- (2) *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. – СПб., 1870; *Яблочков М.* История дворянского сословия в России. – СПб., 1876; *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. 1765–1855 гг. – СПб., 1906; *Клочков М.В.* Дворянское самоуправление в царствование Павла I. – СПб., 1912 и др.

- (3) *Минникес И.В.* Выборы в российском государстве в XVIII веке: Историко-правовое исследование. – Иркутск, 2006.
- (4) Законодательство Екатерины II. – М., 2001. – Т. 2. – С. 17; *Минникес И.В.* Выборы... – С. 86.
- (5) *Корф С.А.* Дворянство и его сословное... – С. 17–18.
- (6) *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility. 1762–1785. – Princeton, New Jersey, 1973. – P. 261.
- (7) Список дворянству Тверского наместничества, бывшему при первом его собрании в Твери при баллотировании предводителей и судей по уездам в генваре месяце 1776 года. – СПб., 1776.
- (8) РГАДА. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 788. – Ч. 2. – Л. 125–125 об.
- (9) Там же. – Л. 43.
- (10) Там же. – Л. 125 об.
- (11) Там же. – Л. 44.
- (12) Там же. – Ч. 1. – Л. 291; Ч. 2. – Л. 43 об. – 44.
- (13) Там же. – Д. 729. – Л. 14 об.
- (14) Там же. – Л. 28 об.
- (15) Там же. – Л. 27 об.
- (16) Там же. – Л. 37 об.
- (17) Там же. – Л. 18 об., 26, 37–38.
- (18) Там же. – Л. 28.
- (19) Там же. – Л. 34–36 об.
- (20) Там же. – Л. 28 об. – 29.
- (21) Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству // Законодательство Екатерины II. – М., 2001. – Т. 2. – С. 39–40.
- (22) Жалованная грамота... – С. 37, 39.
- (23) ЦИАМ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 8–9, 54.
- (24) Там же. – Д. 85. – Л. 1 об.
- (25) Государственный архив Тверской области (далее – ГАТвО). – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 11.
- (26) РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 619–632 об.
- (27) Там же. – Ф. 1341. – Оп. 24. – Д. 560. – Л. 1, 15.
- (28) Там же. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 622 об.
- (29) Там же. – Л. 626 об.
- (30) *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России... – С. 433.
- (31) Русское общество 40–50-х годов XIX века // Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 80–81.
- (32) Явление неоднократно осмеивалось в сатирической литературе. См., напр.: *Храповицкий М.В.* Разговор уездных дворян о выборе в судьи. – СПб., 1790.
- (33) *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. – СПб., 2004. – Т. 1. – С. 307–308.
- (34) ГАТвО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 825. – Л. 2, 28.
- (35) Там же. – Д. 127. – Л. 177.
- (36) Там же. – Д. 656. – Л. 73 об., 20 об.
- (37) Там же. – Л. 2–11.
- (38) Там же. – Л. 41 об. – 45.
- (39) Там же. – Л. 26 об. – 35.

- (40) Там же. – Д. 64. – Л. 5 8; Д. 555. – Л. 64; Д. 906. – Л. 94.
- (41) Рассчитано по: Губернии Российской империи: Истории и руководители. 1708–1917. – М., 2003. – С. 296–297; С. 296–297; Шаханов А. Предводители дворянства Московского уезда (1782–1917) // Московский журнал. – 2005. – № 7.
- (42) ЦИАМ. – Ф. 16. – Оп. 30. – Д. 1. – Л. 39 об.
- (43) Там же. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 336.
- (44) Там же. – Д. 170. – Л. 160, 161а, 180.
- (45) ГАТвО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 127. – Л. 94.
- (46) ЦИАМ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 176. – Л. 532.
- (47) ГАТвО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 137.
- (48) Там же. – Л. 148–148 об.
- (49) РГАДА. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 973. – Ч. 1. – Л. 17 об., 18; Ч. 2. – Л. 13–13 об.
- (50) Там же. – Д. 729. – Л. 62.
- (51) Там же. – Л. 27, 110 об.
- (52) Там же. – Д. 788. – Ч. 1. – Л. 252; Д. 973. – Ч. 1. – Л. 18; ГАТвО. – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 127. – Л. 94; Д. 267. – Л. 83; Д. 555. – Л. 63–63 об.; Д. 90. – Л. 94–99.
- (53) ЦИАМ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 1, 3, 166; Ф. 16. – Оп. 30. – Д. 1.
- (54) ПСЗ-I. – № 18245, 18321.
- (55) ЦИАМ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 174. – Л. 124–124 об.; Д. 173. – Л. 176.
- (56) Там же. – Д. 176. – Л. 408–408 об.; Д. 180. – Л. 427–427 об.
- (57) Шаханов А. Предводители дворянства Московской губернии (1782–1917 гг.) // Московский журнал. – 2005. – № 6.
- (58) ЦИАМ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 85.
- (59) Крючков В.В. Дворянские выборы в последней трети XVIII века // Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном историческом процессе. – Рязань, 2006. – С. 108.
- (60) Платонова Т.В. Корпоративные органы саратовского дворянского общества в конце XVIII – первой половине XIX века // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. – Саратов, 2002. – С. 9.

ELECTORAL BEHAVIOUR OF RUSSIAN NOBILITY (1770–1820S)

A.I. Kupriyanov

Centre of Russian Culture Studies
RAS Institute of Russian History
D. Ulyanov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article deals with the processes of traditions emergence and formation of the Russian nobility electoral behavior in the last quarter of the 18th – the first third of the 19th century. Considering the materials of Moscow and Tver provinces the author concludes that all strata of the nobility actively participated in elections. However, voters' absenteeism was a mass phenomenon. Gradually regular elections facilitated strengthening of the nobility local links as well as consolidation of the nobility as landlord class.

Key words: Russia, elections, nobility, electoral behavior, self-government.